

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.075 + 37.078 + 378.32

«ПОЧТИ ИДЕАЛЬНАЯ» СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

Часть 1

К.С. Шаров

МГУ имени М.В. Ломоносова

const.sharov@aol.com

В статье изучено развитие системы образования Китая сравнительно с российской образовательной системой. Особое внимание уделено образовательным реформам в рыночную эпоху после 1977 года вплоть до наших дней. Проанализированы механизмы государственного контроля качества образования и основанные на данных о качестве образования пути корректировки образовательных реформ. Продемонстрированы различия результатов реформ между общегосударственным, провинциальным и областным уровнями администрирования. Исследован вопрос об интеграции национальных и культурных меньшинств в общенациональную китайскую образовательную парадигму. Показано, что в последнее десятилетие КНР удалось достигнуть серьезного прорыва в повышении уровня образования населения. Достижения включают расширение грамотности, начального и среднего образования, улучшение методик и содержания образования, а также увеличение количества и качества вузов в период реформ, создание сложной и разветвленной национальной образовательной системы, которая поощряет заслуги учащегося и обеспечивает реальную возможность выучиться гражданам любого социального происхождения. Тем не менее особо подчеркивается, что, несмотря на серьезные успехи, до сих пор одной из основных проблем китайского образования остается высокий уровень необразованных и безграмотных людей. Отмечено возрастающее амбивалентное значение образования в Китае как фактора социально-экономического неравенства: обеспеченные люди могут позволить себе качественное образование своих детей, а малообеспеченные – нет, и тем самым, когда дети вырастут, экономическое и социальное неравенство будет усугубляться. В статье проанализированы сходства и различия реформ образования в Китае и России, их проведения, предпосылок и результатов.

Ключевые слова: образование, реформа образования, образование в КНР, китайская модель образования.

«ALMOST IDEAL» EDUCATIONAL SYSTEM: CHINESE EXPERIENCE

Part 1

K.S. Sharov

M.V. Lomonosov Moscow State
University

const.sharov@aol.com

In the article, the development of the education system of China is compared with the Russian educational system. The special attention is paid to educational reforms during the market era after 1977 thus far. The mechanisms of the state quality control of education based on data on quality of education, are

analysed. Distinctions of results of reforms between nation-wide, provincial, and regional administration levels, are shown. The question of the integration of ethnic and cultural minorities in the national Chinese educational paradigm and its calls in the present, are investigated. It is shown that in the last decade, the People's Republic of China succeeded to reach serious success in the increase of the education level of the population. The achievements include expansion of literacy, primary and secondary education, improvement of techniques and the content of education, and also increase in the level and quality of higher education institutions during reforms, creation of difficult and developed national educational system which encourages merits of a pupil and provides real opportunity to be learned to citizens of any social origin. Nevertheless, it is especially emphasized that, despite the serious progress, one of the main problems of the Chinese education is still the high level of uneducated and illiterate people. The increase of the ambivalent value of education in China as factor of social and economic inequality is noted: reach people are able to afford the education of their children of high quality, and needy – no. So, when children have been grown up, the economic and social inequality will be aggravated. In the article, similarities and distinctions of the educational reforms in China and Russia, their implementation, prerequisites and results, are analysed.

Key words: education, educational reform, Chinese educational system, education in People's Republic of China.

*Основные принципы учителя – преданность государю и забота о людях, больше ничего.
Конфуций. Лунь Юй*

При внимательном анализе российских образовательных реформ конца 1990 – 2000-х в голову невольно приходит мысль, что в послеельцинскую эпоху Россия является «кроличьим садком», на обитателях которого испытывают последствия этих самых реформ. Непродуманность и поспешность внедрения тех или иных мер зачастую поражают. Непонятно кем, когда и зачем подписанная готовность России войти в Болонскую систему (что до сих пор остается тайной для большинства граждан), введение ЕГЭ, многочисленные реформы образовательной системы в высшей школе, абсолютная путаница с параллельным существованием специалитета и бакалавриата в большинстве вузов, непонятный финансовый статус магистратуры, особое положение медицинского образования, разное положение академической и вузовской аспирантуры, тотальное резкое упразднение военных кафедр, некритичное принятие шаблона американских норм и изготовление с него лишенных российской само-

стоятельности копий... Этот список можно продолжать долго.

Главное же в том, что к сему дню государственная администрация полностью ликвидировала и передала забвению советскую систему обучения, законно считавшуюся одной из лучших мировым образовательным сообществом, и слепила некий новый агломерат – слепила явно наспех, будто подгоняемая кем-то или чем-то, слепила «из того, что было». А теперь нас заставляют полюбить «то, что было», причем, как всегда, не считаясь с мнением рядовых избирателей и налогоплательщиков.

В данной работе я предлагаю проанализировать опыт Китая в сфере образования – страны, традиционно считавшейся для СССР «младшим братом». Мы увидим, что опыт «младшего брата» может оказаться весьма полезным старшему. Также мы поймем, что китайское экономическое «чудо», о котором сейчас постоянно твердят мировые средства массовой информации, неотделимо от образовательного «чуда», кото-

рого в КНР пытаются достичь уже на протяжении нескольких поколений.

Введение

На недавно прошедшей в Пекине Двенадцатой Китайской народной политической консультативной конференции (КНПКК), на которой присутствовали руководители страны Генеральный секретарь Си Цзиньпинь 習近平, бывший генсек Ху Цзиньтао 胡錦濤 и премьер-министр Вэнь Цзябао 溫家寶, проблема реформирования системы образования стояла достаточно остро. Председатель конференции Ю Женьшень 俞正聲 (председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая) специально посвятил данному вопросу несколько особых пунктов в своем выступлении 12 марта 2013 г.

В 2010 г. в Китае было решено модернизировать систему образования, практически просуществовавшую в неизменном виде с 1977 г. В чем же ее основные нынешние достижения и трудности?

Чтобы правильно ответить на данный вопрос и понять релевантность нынешней образовательной реформы, будет уместным небольшой экскурс в историю образования Китая.

Фактически формальное учреждение системы высшего образования в Китае произошло относительно недавно. Общеизвестно, что первый современный китайский университет был основан в 1895 г., сразу же после китайско-японской войны (1894–1895), которая сместила доминирующее влияние в Азии от Китая к Японии. Всеобщий национальный позор, оставшийся после этого поражения, всколыхнул Империю династии Цин. Вдовствующая императрица Цы Си 孝欽慈禧端佑康

頤昭豫莊誠壽恭欽獻崇熙配天興 聖顯皇后 одобрила предложение Шэня Сюаньхуая 盛宣懷, наиболее известного и выдающегося чиновника династии и промышленника. Она уполномочила правительство создать современные университеты, чтобы обучать и подготавливать образованных людей с помощью современных на тот момент технологий в дополнение к классике. Университет Бейян (теперь университет Тяньцзиня 天津大學) был основан в 1895 г. и стал первым национальным китайским университетом. Далее последовало основание Академии Сиши 求是書院 (в настоящее время университет Чжэцзяна), в 1897 и Университета Дзиньши 警世 (теперь Пекинский университет), в 1898 г. Всего в императорском Китае было создано 227 вузов.

Правительство коммунистов решило принять в 1949 г. советскую модель среднего и высшего образования. Частные университеты, включая религиозные учреждения, основанные миссионерами, были национализированы. Советская образовательная система, по сути, верой и правдой прослужила Китаю до сего дня, и ее роль в китайском «чуде» поистине огромна. Приходится с сожалением констатировать, что в Китае поняли и оценили по достоинству то, чего не поняли в 2000-е годы в России, полностью отказавшейся от старой хорошо налаженной системы образования и не предложившей достойной альтернативы. Советская система высшего образования отлично послужила цели китайского правительства и обучила первое поколение необходимых стране интеллектуалов, которое впоследствии построило новую экономику, в настоящее время развивающуюся быстрее всего в мире.

Число китайских университетов и техникумов быстро росло от 229 в 1957 г. к 841

в 1958 г., и уже в 1960 г. насчитывало 1289. Появилось достаточно много действительно образованных людей. Но правительство Мао Цзэдуна 毛澤東 не было заинтересовано в наличии большого количества интеллигентных людей. «Ошибка» была тут же понята Партией и жестко исправлена в последующие годы. В 1963 г. количество университетов было принудительно сокращено до 407.

В 1966 г. началась Культурная революция 文革, которая поставила под угрозу всю образовательную систему. Студенты доносили на преподавателей, а преподаватели – на студентов. Красные Патрули сновали там и сям. Образ образованного интеллектуала, характерный для всей конфуцианской традиции, существовавшей в Китае столетия, померк перед новым идеалом пролетария, рабски преданного Вождю. Поколение студентов в последующие годы, по существу, потеряло возможность вообще получить высшее образование. Только в 1970 г. правительство позволило определенным университетам вновь открыться, и то под бдительным надзором партийной верхушки. Однако прием студентов в вузы, техникумы и ПТУ был, главным образом, связан с хорошими рекомендациями от «нужных людей» – крестьян, рабочих и солдат – и, прежде всего, основан на правильном политическом поведении претендентов.

Наконец, в 1977 г. Дэн Сяопин 鄧希賢 получил верховную политическую власть и в конечном счете стал главным культурным лидером и идеологом страны. Одно из его первых решений состояло в том, чтобы возобновить национальную систему экзаменов для приема в колледж и дать людям, угнетенным Мао, возможность учиться на благо себе и родине. С 1977 г. до 1979 г. были проведены три всеобщих националь-

ных экзамена. Приблизительно 18 млн выпускников средней школы с 1966 г. до 1977 г., которые желали и были в состоянии сдать экзамены, но попали в опалу при Мао, участвовали в этих исторических образовательных событиях, и приблизительно 880 тыс. из них повезло стать студентами вузов. Выпускники вузов периода этих трех лет впоследствии играли важную роль в налаживании социально-экономического развития в Китае в соответствии с программой Дэна, фактически существующей в КНР и поныне.

С формализацией регулярной общенациональной системы вступительного экзамена в вуз или техникум в 1980-е годы китайское среднее и высшее образование постепенно восстанавливалось и упорядочивалось по сравнению с маоистскими разрушительными тенденциями. В 1993 г. с углублением рыночных реформ Центральный комитет китайской компартии и Государственный совет совместно выпустили Программу для реформы образования, которая позволила начать учреждение частных университетов. В данной программе объявлялось, что «государство поощряет все сферы общества, включая предприятия, учреждения, общественные организации или группы, так же как и отдельных граждан, управлять учреждениями высшего образования в соответствии с законом и поддерживать реформу и дальнейшее развитие высшего образования»¹. Эта новая политика, не характерная для коммунистических режимов, позволила неправительственным предприятиям создать некоторые новые вузы, которые стали символизировать существенное изменение в китайской структуре высшего

¹ Yang Z. «Globalization and Higher Education Reform in China» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aare.edu.au/05pap/zho05780.pdf>. (дата обращения 02.09.2013)

го образования, раньше полностью управлявшейся центральным правительством. Такое движение привело к значительному увеличению популярности высшего образования. Регистрация новых вузов в 1990-е годы отмечена беспрецедентным ростом. Согласно статистическим данным Министерства просвещения 2007 г., «в 1990 г. меньше чем 4 % людей в возрастной группе 18–22 лет были зарегистрированы в качестве студентов в учреждениях высшего образования по сравнению с 22 % в 2005 г.».

В 2001 г. Китай официально вступил во Всемирную торговую организацию, которая обеспечила арену для образовательного обмена со многими странами, и появилась возможность привести китайское образование к мировым стандартам. Например, Министерство просвещения послало множество секретарей партии и просто выдающихся студентов учиться в развитые страны, такие как Соединенные Штаты Америки и Великобритания. Чтобы способствовать мультидисциплинарному академическому сотрудничеству, в начале 2000-х гг. много старых вузов советского стиля были объединены в многофакультетные университеты по образцу крупных американских университетов. Эпоха 2000-х наложила свой отпечаток на китайскую ментальность: старая идеология стала отходить на второй план перед возможностью сделать большие деньги. Для многих существующая советская система сейчас уже кажется отжившей и ненужной, и раздаются все больше призывов переделать все вузы по принципу Гарварда, Стэнфорда и Принстона. В связи с этим любопытно отметить, что дочь нынешнего генсека Си Цзиньпина обучается в Гарварде (под псевдонимом).

Гаокао и новый госплан

Такова в общих чертах история. Что же происходит в современности?

В настоящее время, по словам Ю Женьшэня, реформа достигла новой решающей стадии. Ее основной задачей должно стать образование все более и более хорошо осведомленной рабочей силы, подготовленной, чтобы решать проблемы экономики, которая не только растет чрезвычайно быстрыми темпами, но также и становится все более и более разнообразной и сложной. «Старый Ю», как его называют в народе, призвал воздерживаться от эксцессов предыдущего десятилетия, когда сильная вестернизация проамериканского типа грозила положить полный конец существующей образовательной системе. Ю подчеркнул, что реформирование системы образования, бесспорно, необходимо, но должно проводиться строго в соответствии с планом, рассчитанным на 2010–2020 годы. В качестве отрицательного примера некритического внедрения американского опыта Ю привел систему ЕГЭ, принятую в современности повсеместно в России.

Комплекс образовательных реформ в Китае обрисован в общих чертах в этом госплане, формально названном «Государственные рекомендации для среднесрочной и долгосрочной реформы образования и плана развития между 2010 и 2020 годами», иначе известном как План развития². Ю специально заострил внимание, что второй раунд национального обсуждения Плана развития был закончен в феврале 2013 г., и к этому моменту с марта 2010 г.

² The Plan, «State Guidelines for Medium-to-Long-Term Education Reform and Development Plan», (国家中长期教育改革和发展规划纲要) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinanews.com.cn/edu/news/2010/02-28/2142843.shtml>. (дата обращения 10.09.2013)

было собрано более чем 30 тыс. предложений в различных регионах Китая. Тщательный анализ данных предложений и принятие ряда из них к исполнению должны отразить всеобщую национальную заинтересованность и причастность каждой семьи к такой важной проблеме, как будущее образование детей. Предполагается, что план будет корректироваться в ближайшее время и будет включать результаты исследований различных образовательных моделей в разных странах.

Ключевыми должны стать два аспекта реформы высшего образования: уменьшение центрального контроля и облегчение процесса приема в институт. Министр образования Юань Гуйрен 袁貴仁 в своем выступлении на мартовском пленуме КНПКК определенно призвал руководство КНР к тому, чтобы правительство ослабило центральный контроль, предоставило широкую и полномочную университетскую автономию и позволило деканам и преподавателям самим управлять институтами, в которых они работают. Функция правительства должна быть ограничена установлением общей стратегии развития и финансированием, а также созданием общих принципов контроля образовательной политики. Университеты должны подчиняться не чиновничьему произволу, а общенациональным законам о высшем образовании, расширенным и уточненным инструкциями и директивами, принятыми к исполнению самими учреждениями. Такой сдвиг власти является необходимым для всего процесса реформирования, поскольку нынешняя образовательная система практически не зависит от работников образования, а только от вышестоящих бюрократов, зачастую крайне плохо разбирающихся в нуждах студентов и преподавателей.

Другой крайне важный аспект плана реформы – модификация процесса приема в колледж. План развития заявляет, что текущий принцип «один экзамен решает все» будет заменен на систему многократных тестов, включающих в оценку абитуриента множество факторов. До начала реформы практически вся будущая судьба вчерашнего китайского школьника решалась на так называемом гаокао 高考 – единственном вступительном экзамене в вуз. При отсутствии нужного балла абитуриент терял возможность когда бы то ни было вновь повторить попытку поступления в государственное учебное заведение. Гаокао сдавался один раз в жизни. Высокая температура, нервность или бессонница накануне могли в одночасье перечеркнуть все мечты и чаяния абитуриента и его семьи, лишить его желаемого положения в обществе, дохода и любимой работы. Что же оставалось делать школьнику, не сдавшему гаокао? Либо попытаться поступить в частный вуз в Китае (что при текущем уровне конкуренции может показаться напрасной затеей), либо отправиться учиться за границу. В любом случае семьи с низкими или средними доходами не могут себе этого позволить, и человек обычно приговорен: нет образования – нет ничего.

Устранение практики единственного гаокао должно также способствовать тому, что ученики, не чувствуя над собой постоянной угрозы провалиться на экзамене, будут уделять больше внимания творческой составляющей изучаемого предмета, а не зубрежке.

План образовательной реформы разделен на четыре секции. Каждая секция насчитывает несколько глав, а каждая глава включает многочисленные пункты. Секция 1 описывает общую стратегию плана.

Секция 2 раскрывает миссии и цели. Секция 3 описывает реформу образовательной инфраструктуры. Секция 4 предоставляет количественный аппарат измерений успешности проведения реформ. В целом главы посвящены определенным мерам, которые включают в себя следующее:

- повышение профессионализма преподавательского коллектива;
- увеличение бюджетного финансирования образования до 4 % ВВП к 2012 г.;
- реформирование образовательных законов и постановлений;
- обеспечение контроля над тем, чтобы каждый шаг реформы выполнялся в соответствии с нормативно-правовой базой.

Для достижения этих целей План развития поощряет образовательные учреждения проектировать свои собственные программы реформы и внутреннюю политику.

Поставленные задачи Плана развития для высшего образования должны сильно повысить общее качество образования и сделать его значительно более доступным. Не секрет, что до 2010 г. большинство сельского населения (до 90 %) в КНР не имело высшего образования, при этом примерно половина этих людей посещали только один класс, т. е. фактически они полностью необразованны³.

Образовательная реформа должна также продвинуть науку, технологии и культуру; ускорить процесс модернизации Китая; сделать Китай государством с продуманным и качественным высшим образованием, доступным каждому жителю.

Цели реформы состоят в том, чтобы объединить воедино образование и научно-

исследовательские программы, способствовать сотрудничеству между университетами и научно-исследовательскими институтами и центрами, чтобы усилить продвижение научных открытий и инноваций. Предполагается, что последствиями реформы также станут увеличение социальной и моральной ответственности граждан, несмотря на то что в 2000-е гг. Китай захлестнула волна тотальной вестернизации и приоритет начал повсеместно отдаваться индивидуальным ценностям над традиционными. Подводя итог, можно сказать, что цель Плана состоит в том, чтобы сделать высшее образование Китая всемирно конкурентоспособным так же, как стала конкурентоспособной во всемирном масштабе китайская экономика.

Советская система: культивирование на новой почве

Рыночные реформы, начавшиеся в Китае в конце 1970-х, принесли с собой существенное повышение жизненного уровня наряду с коренными изменениями в стратификации общества и беспрецедентным экономическим неравенством. Система образования, ключевой для любого современного общества механизм осуществления социальной мобильности, в этот период изменилась радикально. Во время реформ Дэна Сяопина в Китае вопрос о том, как реструктурировать образовательную систему, чтобы поддержать и усилить быстрое экономическое развитие, стал ключевым политическим моментом. С начала 1970-х до наших дней постепенно происходят существенные изменения в доступности образования, качестве обучения, неравенстве в получении образования и экономических следствиях обучения, на чем мы и остановимся в данном обзоре.

³ Abrahamsen E. A liberal arts education, made in China // New York Times. 3 July 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://latitude.blogs.nytimes.com/2012/07/03/a-liberal-arts-education-made-in-china/> (дата обращения 31.08.2013)

На рубеже XX–XXI веков образовательная система КНР развилась разносторонне в смысле усложнения структуры, увеличения финансирования и углубления содержания; она стала более ориентированной на рынок, и это естественно повысило количество школьников и студентов, но и усилило расслоение сообщества учащихся. Политика комбинирования экономической и образовательной политики, проводимая на протяжении нескольких последних десятилетий государством, в конечном счете предоставила практически всему населению полный доступ к образованию и создала новое пространство для местных учебных и финансовых административных нововведений. Эта политика также усилила различия в образовательных ресурсах в треугольнике город – деревня – регион. В то же время рыночные реформы создали рынок труда, в котором стали незаменимыми люди с высоким уровнем образования. Многовековая конфуцианская традиция, в которой идеальным был образованный и воспитанный человек, пошатнувшаяся после революции 1912 г., вновь возрождается в Китае. Советская система образования была взята за основу компартией Китая, и в настоящий момент она творчески развивается, но продолжает верой и правдой служить делу образования в стране с полуторамиллиардным населением. В России, как это ни прискорбно, она практически сведена на нет за пятнадцать лет реформирования, начиная с реформ Московского комитета образования 1997–1998 гг., возглавляемых печально известной Л. Кезиной, и заканчивая нынешней неразберихой с ЕГЭ в масштабе всей страны. Проблема повышения качества образования крайне важна для Китая, но не представляет интереса для России. К 2012 г. в КНР добились все-

общей грамотности хотя бы на уровне начальной школы, у нас же безграмотность молодежи растет быстрее самой молодежи. Выпускник средней китайской школы должен знать 100 000 иероглифов, чтобы сдать экзамен, российский выпускник не ориентируется в том, когда писать букву мягкий знак в сочетаниях «-тся», «-ться», и склонен все чаще переходить на «-ца», по крайней мере, при электронной переписке.

«Младший брат» давно обогнал старшего – вначале в экономике, а теперь и в образовании.

Образование во время Культурной революции

Несмотря на то что многие шаги в реформировании системы образования Китая имеют явно выраженные параллели с другими государствами, отправная точка здесь принципиально другая. Более десятилетия до начала рыночных реформ КНР испытывала эксцессы «Большой Пролетарской Культурной революции», проникшей повсеместно, вплоть до глухих горных деревушек, общественного движения по переписыванию истории и культуры страны. В рамках Культурной революции на повестку дня выдвигалась радикальная образовательная политика и идеология. В 1966 г. Мао Цзедун провозгласил начало новой образовательной эры, в которой политическая рекомендация и классовая принадлежность стали основными средствами продвижения в рамках образовательной системы⁴.

Когда школы и вузы были вновь открыты после первых хаотичных лет Культур-

⁴ Unger J. Severing the Links between Education and Careers: The Sobering Experience of China's Urban Schools / J. Oxenham (ed.) Education versus Qualifications? A Study of Relationships between Education, Selection for Employment, and the Productivity of Labor. – Boston: Allen and Unwin, 1984.

ной революции, в течение которых многие из них были временно закрыты, а некоторые – упразднены насовсем, в учебных планах всех учебных заведений доминировал идеологический план устранения классовых различий, будь то «городской – сельский», «рабочий – крестьянский» или «интеллектуальный – ремесленный»⁵. Физический труд и верность политическим идеалам Мао ценились значительно выше академической успеваемости и достижений учащихся. Таким образом, роль интеллектуальной элиты была опопшлена, связь между образованием и профессиональной деятельностью – подорвана, а на авансцену вышли «правильные люди» из деревенских трущоб и доносчики, везде вынюхивавшие врагов партии.

Высшее образование во времена Культурной революции испытало особенно сильные разрушения. Всеобщая национальной система вступительных экзаменов была приостановлена; зачисление студентов на обучение в течение шести лет (и аспирантов – двенадцати) полностью прекращено; зато стали зачислять без вступительных испытаний особо бедных крестьян, абитуриентов из люмпенов и людей, объявлявших себя воинствующими безбожниками и особо потрудившихся на ниве уничтожения религиозных ценностей. Эта мера явственно происходила из желания коммунистов Мао следить за университетами, управлять ими и реформировать их по своему собственному желанию. В 1971 г. был принят госплан по объединению, закрытию и изменению

106 из 417 учреждений высшего образования⁶. Не будет преувеличением сказать, что для высшего образования, развития науки, техники и технологий КНР Культурная революция была бедствием исключительной силы и всеобщего масштаба.

Структура начального и среднего образования была предельно упрощена: зачем какие-то сложности, если главное в образовании – лояльность партии? Системы госконтроля были отменены, школы с углубленным изучением предметов были закрыты, техникумы и иные учреждения среднего профессионального образования перепрофилированы, а общепроvincиальный и общенациональный рейтинги объявлены «вредоносными для партии»⁷. Образовательная система была унифицирована так, чтобы все студенты КНР изучали один и тот же десятилетний учебный план по системе 5-3-2⁸ – как умственно отсталые, так и гениальные. Профессионально-технические и технические школы (ПТУ) были закрыты сразу же в течение первых шести лет, равно как и среднеспециальные педагогические школы⁹.

Эмпирических исследований качества и структуры образования во времена Культурной революции не так много, и их характер не позволяет выстроить целостной

⁶ Tsang M.C. Education and National Development in China since 1949: Oscillating Policies and Enduring Dilemmas / Center on Chinese Education, Teachers College, Columbia University. – 2000. – Working Paper D [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tc.columbia.edu/centers/coce/publications.htm#>. (дата обращения 02.06.2013). Табл. 1.

⁷ Rosen S. New Directions in Secondary Education / R. Hayhoe (ed.) Contemporary Chinese Education. – Sydney: Croom Helm, 1984.

⁸ Thogersen S. Secondary Education in China after Mao: Reform and Social Conflict. – Aarhus: Aarhus University Press, 1990. – P. 27.

⁹ Tsang M.C. Ibid. – P. 102.

⁵ Sun H., Johnson D. From Ti-Yong to Gaige to Democracy and Back Again: Education's Struggle in Communist China // Contemporary Education. – 1990. – Vol. 61 (Summer). – P. 209–214; Thomas R.M. Political Rationales, Human Development Theories, and Educational Practice // Comparative Education Review. – 1986. – Vol. 30 (August). – P. 299–320.

картины только исходя из них одних. Однако можно точно утверждать, что учебный план в последние годы правления Мао был крайне идеологизированным. Например, анализ содержания основных учебников китайского языка начала 1970-х, проведенный Джулией Квон, показал, что «тексты посвящены почти исключительно внушению молодежи “правильных” политических понятий и представлений, вплоть до полного исключения грамматической функции текста»¹⁰. Исследование Веста проливает некоторый свет на вопрос о качестве тогдашнего образования. Данный автор показывает, что во время Культурной революции уровень грамотности отставал от эпох до и после нее в среднем на 3–5 лет по разным провинциям¹¹.

Однако, хотя в тот период качество образования радикально пострадало, многие, у кого ранее не было бы вообще никакого доступа к обучению, действительно получили этот доступ, по крайней мере в средние школы и ПТУ. Существенная цель Культурной революции состояла в том, чтобы нивелировать различия между крестьянством и остальным населением, и в этом ее идеологи добились успеха. Например, число учителей и учеников в сельских районах резко подскочило в начале 1970-х¹². Исследование показало, что среднее количество

лет, проведенных в школе, для сельского населения составляло 3,1 года для тех, кому исполнилось 7 лет до Культурной революции, по сравнению с 3,7 годами для тех, кто достиг семилетнего возраста в первые годы Культурной революции¹³. Точно так же исследования переписей населения Министерства просвещения показывают, что во время Культурной революции быстро сужались гендерные разрывы в начальном и среднем образовании¹⁴.

Несколько исследований затрагивают тему социально-экономического неравенства в получении образования во время Культурной революции. Большая их часть описывает ситуацию с городским населением. В одном ключевом исследовании использованы национальные данные переписи населения 1982 г. в несельскохозяйственных регионах, затрагивающие ситуацию с общими для двух и более поколений домохозяйствами¹⁵. Совместное проживание в одном доме нескольких поколений (традиционная китайская семья) дало возможность провести исследование связей между социоэкономическим статусом родителей и уровнем образования их детей. Результаты показали, что

¹⁰ Kwong J. Changing Political Culture and Changing Curriculum: An Analysis of Language Textbooks in the People's Republic of China // *Comparative Education*, 21(2). – P. 207.

¹¹ West L. Provision of Public Services in Rural PRC / C. Wong (ed.) *Financing Local Government in the People's Republic of China*. – New York: Oxford University Press for the Asian Development Bank, 1997.

¹² Hannum E. Political Change and the Urban – Rural Gap in Basic Education in China, 1949–1990 // *Comparative Education Review*. – 1999. – Vol. 43(2). – P. 193–211.

¹³ Lu Y., Treiman D.J. The Effect of Sibship Size on Educational Attainment in China: Cohort Variations / California Center for Population Research On-Line Working Paper. – Series CCPR–052–05. – 2005. – P. 1–68.

¹⁴ Hannum E., Xie Y. Trends in Educational Gender Inequality in China: 1949–1985 // *Research in Social Stratification and Mobility*. – 1994. – Vol. 13. – P. 73–98; Hannum E. Market Transition, Educational Disparities, and Family Strategies in Rural China: New Evidence on Gender Stratification and Development // *Demography*. – 2005. – Vol. 42(2). – P. 275–299; Lu and Treiman. *Ibid.*

¹⁵ Deng Z., Treiman D.J. The Impact of the Cultural Revolution on Trends in Educational Attainment in the People's Republic of China // *American Journal of Sociology*. – 1997. – Vol. 103(2). – P. 391–428.

преимущество происхождения из образованной семьи, интеллигенции или семьи потомственных политиков/аристократов было значительно уменьшено во время Культурной революции, но ситуация быстро вернулась к прежней уже вскоре после смерти Мао.

В исследовании Сюгуаня Чжоу и его коллег смоделировано приобретение образования различных уровней с использованием социологических интервью и ретроспективных отчетов о жизненных историях интервьюируемых. В исследовании использованы ситуации жителей 20 городов в 1993 – 1994 гг.¹⁶ Результаты показали, что социальное происхождение из «класса эксплуататоров» или просто среднего класса не имело сильного отрицательного эффекта на вероятность поступления в среднюю школу или колледж во время Культурной революции, но имело существенное положительное влияние в предыдущие и последующие периоды. Наличие образования родителей также более серьезно влияло на вероятность получения ребенком образования до и после Культурной революции, а во время нее не имело существенного значения.

Необычную информацию можно почерпнуть из следующего исследования, использующего данные национального обзора городских и сельских территорий. В этой работе Яо Лу и Дональд Треймен (2005) установили, что влияние на количество лет, проведенных в образовательных учреждениях ребенком, таких факторов, как наличие высокого уровня образования и высокого профессионального статуса родителей, было наименьшим для групп уча-

щихся, достигших семилетнего возраста во время Культурной революции, и явно большим для предыдущих и последующих эпох¹⁷.

Расширенный доступ к образованию для недопредставленных маргинальных групп населения во время Культурной революции, вероятно, тесно связан со стратегическим выбором политики, затрагивающей стоимость обучения. Общий доход домохозяйств маргинальных семей был относительно низок в то время из-за нехватки генерирующих доход возможностей при коммунистической командной экономической системе маоистского толка и – в сельских районах – из-за тотальной коллективизации и обнищания ранее зажиточного крестьянства. Тем не менее правительство Мао проводило политику относительно низкой стоимости образования для обнищавшей деревни, и вряд ли есть основания полагать, что «некулацкие» семьи, коих было большинство в те годы, непосредственно несли большие затраты на обучение, даже в исключительно бедных сельскохозяйственных районах центральных и западных провинций.

Административные документы той поры показывают, что большая часть государственного финансирования школьного образования во время Культурной революции приходилась не на поддержку местного сообщества *minban*, или сообщества образовательных учреждений, самоуправляемых учителями школы, а на группу школ *gongban*, непосредственно управляемую и контролируемую государством. Это и понятно: кто платит, тот и заказывает музыку. При этой системе много сельских учителей начальной школы были вынуждены работать за «трудодни», «пункты работы» вме-

¹⁶ Zhou X., Moen P., Tuma N.B. Educational Stratification in Urban China: 1949–94 // *Sociology of Education*. – 1998. – Vol. 71(3). – P. 199–222.

¹⁷ Lu Y., Treiman D.J. Ibid.

сто зарплаты¹⁸. *Minban*-учителя были менее квалифицированы, чем *gongban*-учителя, но на местную финансовую поддержку на муниципальном уровне по найму в школы *gongban*-учителей особенно уповать не приходилось. Таким образом, хотя во время Культурной революции появилась большая уверенность, что не закрытые государством школы без учителей не останутся, существенные различия в качестве образования между местными и государственными школами сводили практически на нет все попытки государства не допустить полнейшего развала системы образования.

В последние годы Культурной революции темпы роста образования *Minban* стали увеличиваться быстрее, сначала в сельской местности и затем – в городах и пригородах, поскольку администрация начала проводить политику перераспределения финансирования. Начался отток средств из управляемых государством начальных школ в сторону местных производственных команд, бригад, коммун, фабрик, коммерческих предприятий, комитетов революционного партнерства и т. д.¹⁹ Но все равно во время этого периода труд *minban*-учителей оплачивался порциями зерна и дополнительными наличными субсидиями за «единицы работы», рассчитанными на основе заработанных очков работы («трудодней»), в то время как государственные учителя получали существенно более высокую правительственную зарплату в юанях. Лян (2001) всесторонне исследовал область Джимо в провинции Шаньдун – это практически единственно доступный

¹⁸ Tsang M.C. Ibid.

¹⁹ Tsang M.C. Ibid; Wang C. *Minban Education: the Planned Elimination of the 'People-Managed' Teachers in Reforming China* // *International Journal of Educational Development*. – 2002. – Vol. 22(2). – P. 109–129.

эмпирический материал, касающийся финансирования школьного образования во время Культурной революции. Он показал, что фактически каждый сельский ребенок в провинции смог учиться в начальной школе бесплатно в течение последних лет Культурной революции, однако качество образования, полученное в государственных школах, было значительно выше, чем в муниципальных²⁰.

Итак, мы видим, что ситуация с образованием во времена Культурной революции была далеко не однозначной. С одной стороны, образование стало более дешевым (иногда – полностью бесплатным) и доступным для бедных слоев населения. С другой стороны, качество образования было довольно низким даже в городах, не говоря о сельской местности. Стремление к знаниям, увековеченное в конфуцианской традиции, было забыто в угоду политической лояльности и преданности партии. Тотальная идеологизация образования во время Культурной революции была продиктована радикальной программой коммунистов, нацеленной на устранение всех социальных различий. Однако главная разрушительная для образования черта Культурной революции – закрытие высшего образования на шесть лет, а аспирантуры – на двенадцать лет в масштабе всего Китая. Данная мера, не умри Мао вскоре, отбросила бы Китай на уровень развития науки, техники и технологий времен императрицы Цы Си.

Литература

Abrahamsen E. A liberal arts education, made in China / E. Abrahamsen // *New York Times*. 3 July 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

²⁰ Liang Z. The Age of Migration in China // *Population and Development Review*. – 2001. – Vol. 27. – P. 499–524.

<http://latitude.blogs.nytimes.com/2012/07/03/a-liberal-arts-education-made-in-china/>. (дата обращения 31.08.2013)

Deng Z. The Impact of the Cultural Revolution on Trends in Educational Attainment in the People's Republic of China / Z. Deng, D.J. Treiman // *American Journal of Sociology*. – 1997. – Vol. 103(2). – P. 391–428.

Hannum E. Trends in Educational Gender Inequality in China: 1949–1985 / E. Hannum, Y. Xie // *Research in Social Stratification and Mobility*. – 1994. – Vol. 13. – P. 73–98.

Hannum E. Political Change and the Urban – Rural Gap in Basic Education in China, 1949–1990 / E. Hannum // *Comparative Education Review*. – 1999. – Vol. 43(2). – P. 193–211.

Hannum E. Market Transition, Educational Disparities, and Family Strategies in Rural China: New Evidence on Gender Stratification and Development / E. Hannum // *Demography*. – 2005. – Vol. 42(2). – P. 275–299.

Kwong J. Changing Political Culture and Changing Curriculum: An Analysis of Language Textbooks in the People's Republic of China / J. Kwong // *Comparative Education*, 21(2). – P. 207–218.

Liang Z. The Age of Migration in China / Z. Liang // *Population and Development Review*. – 2001. – Vol. 27. – P. 499–524.

Lu Y. The Effect of Sibship Size on Educational Attainment in China: Cohort Variations / Y. Lu, D.J. Treiman // *California Center for Population Research On-Line Working Paper*. – Series CCPR–052–05. – 2005. – P. 1–68.

Rosen S. New Directions in Secondary Education / S. Rosen // R. Hayhoe (ed.) *Contemporary Chinese Education*. – Sydney: Croom Helm, 1984.

Sun H. From Ti-Yong to Gaige to Democracy and Back Again: Education's Struggle in Communist China / H. Sun, D. Johnson // *Contemporary Education*. – 1990. – Vol. 61 (Summer). – P. 209–214.

The Plan, «State Guidelines for Medium-to-Long-Term Education Reform and Development Plan», (国家中长期教育改革和发展规划纲要).

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinanews.com.cn/edu/news/2010/02-28/2142843.shtml>. (дата обращения 10.09.2013)

Thogersen S. Secondary Education in China after Mao: Reform and Social Conflict / S. Thogersen. – Aarhus: Aarhus University Press, 1990.

Thomas R.M. Political Rationales, Human Development Theories, and Educational Practice / R.M. Thomas // *Comparative Education Review*. – 1986. – Vol. 30 (August). – P. 299–320.

Tsang M.C. Education and National Development in China since 1949: Oscillating Policies and Enduring Dilemmas / M.C. Tsang // *Center on Chinese Education, Teachers College, Columbia University*. – 2000. – Working Paper D [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tc.columbia.edu/centers/coce/publications.htm#>. (дата обращения 02.06.2013).

Unger J. Severing the Links between Education and Careers: The Sobering Experience of China's Urban Schools / J. Unger // J. Oxenham (ed.) *Education versus Qualifications? A Study of Relationships between Education, Selection for Employment, and the Productivity of Labor*. – Boston: Allen and Unwin, 1984.

Wang C. Minban Education: the Planned Elimination of the 'People-Managed' Teachers in Reforming China / C. Wang // *International Journal of Educational Development*. – 2002. – Vol. 22(2). – P. 109–129.

West L. Provision of Public Services in Rural PRC / L. West // C. Wong (ed.) *Financing Local Government in the People's Republic of China*. – New York: Oxford University Press for the Asian Development Bank, 1997.

Yang Zhong. «Globalization and Higher Education Reform in China» / Zhong Yang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aare.edu.au/05pap/zho05780.pdf>. (дата обращения 02.09.2013)

Zhou X. Educational Stratification in Urban China: 1949–94 / X. Zhou, P. Moen, N.B. Tuma // *Sociology of Education*. – 1998. – Vol. 71(3). – P. 199–222.